И. И. Тхоржевскій

Императоръ Николай II какъ Правитель

Рѣчь на Собраніи
19 декабря 1937 г.

Изданіе Союза Ревнителей Памяти
Императора Николая II.

Императоръ Николай II какъ правитель

Въ средѣ нашего Союза столько людей, близко знавшихъ покойнаго Государя, — людей, которыхъ и Онъ Самъ зналъ, цѣнилъ какъ "своихъ", — что мое выступленіе **здѣсь,** даже съ краткимъ словомъ о Государѣ, можетъ показаться Вамъ **притязательнымъ.**

Но память о Государѣ, неотрывна отъ моихъ личныхъ воспоминаній о прожитой **жизни**, не только о службѣ. Служить, окончивъ университетъ, я не думалъ: готовился въ Петербургѣ къ кафедрѣ государственнаго права и причислился къ Канцеляріи Совѣта Министровъ для работы въ архивахъ.

Но здѣсь — сразу же раскрылся предо мной другой Петербургъ и вообще другой русскій міръ, несравненно болѣе яркій, властный и притягательный, нежели юридическая наука.

Душой этого міра, его центромъ — былъ **Государь какъ правитель,** источникъ права и власти.

Изъ моего жизненнаго "угла" видѣлъ я Государя (такъ ужъ мнѣ посчастливилось!), — въ сравнительной близости отъ Него и отъ верховъ русской власти, хотя Имъ вначалѣ незамѣчаемый. И разглядывалъ я Его не тѣми же привычными глазами, какъ люди, непосредственно къ Нему близкіе.

Въ этомъ, можетъ быть, единственный интересъ для васъ моего разсказа.

Простите, если вскользь, урывками, придется касаться и моей службы.

Началась она такъ. Къ столѣтію со дня учрежденія Комитета Министровъ, писалась его многотомная исторія, по царствованіямъ. Писалъ ее профессоръ-историкъ Середонинъ и, заваленный работой, явно не поспѣвалъ къ сроку. Да его и не особенно хотѣли пускать въ недавніе, еще свѣжіе, политическіе архивы. Тогда А. Н. Куломзинъ, первое мое начальство, пошелъ на рискъ — поручить **мнѣ** (по рекомендаціи СПБ, университета) **томъ о царствованіи Императора Александра III-го.** Интереснѣйшіе, запретные архивы, секретныя "записки" Предсѣдателя Комитета Бунге и прочихъ министровъ Императора Александра III-го, прошли тогда передъ моими глазами, какъ **прологъ къ русскому настоящему.**

Не **все** вошло въ печатный томъ, поднесенный въ срокъ, съ моимъ именемъ, Государю. Но одно вошло, и крѣпко вошло, въ мою голову: насколько, въ исторической перспективѣ, царствованіе Императора Николая II-го было обусловлено обоими предыдущими царствованіями, столь рѣзко различными: 1) преобразовательнымъ, двинувшимъ Россію впередъ, но и разволновавшимъ ее, временемъ Императора Александра II-го и 2) властно-національнымъ, охранительнымъ царствованіемъ, "паузой" Императора Александра III-го, паузой, во многомъ спасительной, но во многомъ — очень опасной.

Какъ разъ въ крестьянскомъ вопросѣ — (моя главная тема), если бы начать Столыпинское землеустройство съ эпохи введенія земскихъ начальниковъ, т.-е. 20-ю годами раньше, то Россія, уже устроенная и окрѣпшая ко времени великой войны — вѣроятно выдержала бы ее до конца, безъ бунта.

Какъ вы знаете, Государь, по своимъ взглядамъ, по личной своей Царской "мистикѣ" и по внушеніямъ Императрицы, склонялся въ сторону завѣтовъ своего отца, Самодержца и консерватора. Но не только въ немъ самомъ не было для этого гранитной, прямолинейной воли. Жизнь, вся русская обстановка, русская исторія, толкали Его продолжать дѣло своего дѣда: **перестраивать Россію** на болѣе дѣятельный, менѣе обломовскій, болѣе крѣпкій ладъ. По размаху и по цѣнности всего, что Государь въ этомъ направленіи сдѣлалъ, Его царствованіе — не только одно изъ самыхъ значительныхъ въ русской исторіи, но и одно изъ наиболѣе реформаторскихъ. Все дѣло въ томъ, что **исторически,** послѣ Царя-освободителя и Царя-Миротворца, **Россіи нуженъ былъ Царь-Устроитель.**

Въ двухъ областяхъ — совершенно безспорныхъ и самыхъ нужныхъ для Россіи, — народнаго **просвѣщенія** и народнаго **достатка,** Россія при Императорѣ Николаѣ II-омъ, шагнула впередъ такъ, какъ не шагала со временъ Петра и Екатерины. Но и въ области политики, Государемъ заложены были, для укрѣпленія народныхъ "низовъ" и для сближенія съ общественными "верхами", такіе краеугольные камни, какъ "крестьянское землеустройство" и "народное представительство". Нужна была неудачная міровая война, — и много внутренней слѣпоты, — чтобы все это, — и самую Россію, — **разрушить!**

Спасительное въ политикѣ **равновѣсіе** обоихъ началъ, — властнаго и движущаго впередъ ("впередъ на легкомъ тормазѣ"), было при Государѣ достигнуто съ наибольшимъ успѣхомъ въ тѣ годы, когда его сподвижникомъ былъ (имъ же лично выдвинутый къ власти), П. А. Столыпинъ. Но какъ разъ Столыпинъ, во многомъ: въ своей крестьянской политикѣ (уходъ отъ общины) и въ своей

приверженности къ думскому и земскому строю, былъ прямымъ наслѣдникомъ "духа и дѣла" эпохи Императора Александра II-го. То же, съ нѣсколько иными "оттѣнками", можно повторить и о другомъ большомъ человѣкѣ послѣдняго царствованія: о Витте. хотя Витте и любилъ себя называть "министромъ Императора Александра III-го".

Назову еще третье, большое, историческое русское имя. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, тоже "министръ Императора Александра III-го", былъ на Кавказѣ русскимъ вельможей, который — въ полномъ созвучіи съ Государемъ, велъ тамъ широкую, самую либеральную, но и подлинно имперскую (а не узко-обрусительную) политику. И поднялъ на прежнюю высоту, покорившее Кавказъ при Императорѣ Александрѣ II-омъ, русское имя.

Черезъ канцелярію Совѣта Министровъ (гдѣ мнѣ приходилось одному изображать собой "кавказское отдѣленіе") прошло много дѣлъ Воронцова. Помню. какъ возвращались армянской церкви, насильно и несправедливо отобранныя у нея церковныя имущества и какъ были упразднены на Кавказѣ остатки туземнаго крѣпостного права.

Но графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ кромѣ того первымъ, кто сказалъ Государю, въ самомъ началѣ Его царствованія, что крестьянская политика — сохраненія общины — была ошибкой; (онъ говорилъ это и Александру Третьему!), что надо по всей Россіи спѣшно развязывать узлы общиннаго безправія, что надо провести второе освобожденіе крестьянъ, отъ идей чернаго передѣла и вѣчно затаеннаго въ крестьянскомъ подпольѣ бунта нищихъ. На томъ же настаивалъ впослѣдствіи Витте, съ его "Сельско-хозяйственнымъ Совѣщаніемъ". Наконецъ, третьимъ, сдѣлавшимъ для Государя то, на чемъ другіе только настаивали, человѣкомъ по-

ставившимъ на рельсы развитіе мелкой крестьянской собственности въ Россіи (цѣль Александра II-го), былъ Столыпинъ.

Освободительная крестьянская политика, удвоеніе народнаго достатка при Государѣ, блестящіе финансы, весь дѣловой блескъ и вся только начинавшаяся "динамика" русской Имперіи, подъемъ русскаго просвѣщенія, русской энергіи, русской силы передъ войной — **теперь** все это — наше непобѣдимое "Золотое оружіе", въ борьбѣ съ клеветниками-чернителями, въ борьбѣ за добрую память Императорскаго русскаго прошлаго и за благородную память нашего Государя.

Для сибирскаго переселенія и устройства азіатскихъ окраинъ, Государь сдѣлалъ больше чѣмъ кто либо до него на русскомъ престолѣ. Еще въ бытность Наслѣдникомъ, Онъ состоялъ предсѣдателемъ комитета по сооруженію Сибирской желѣзной дороги; эта дорога стала эпохой для Азіатской Россіи. За нѣсколько сотъ лѣтъ владѣнія нашего Сибирью, тамъ набралось всего 4 милліона русскаго (не-инородческаго) населенія; а въ нѣсколько лѣтъ послѣдняго царствованія, между двумя войнами, въ Сибирь нахлынуло сразу около 3 милліоновъ! Государь, который Самъ, на лошадяхъ проѣхалъ чуть ли не всю Сибирь, возвращаясь изъ Японіи, зналъ сибирскую географію (какъ и вообще географію) замѣчательно. Онъ принималъ живое участіе въ переселенческомъ дѣлѣ. Больше того; единственный сибирскій **помѣщикъ,** онъ широкимъ царственнымъ жестомъ **отдалъ даромъ** подъ переселеніе всѣ богатѣйшія кабинетскія земли Алтая (полъ Франціи). На Алтаѣ главнымъ образомъ и тянулось переселеніе въ годы его подъема.

— "И никакой благодарности!", сказалъ мнѣ съ добродушной улыбкой министръ Двора Фреде-

риксъ, когда я (камеръ-юнкеръ и помощникъ начальника переселенческаго управленія Глинки) — представлялся послѣ одной изъ сибирскихъ поѣздокъ. Дѣйствительно, Алтайскій жестъ русской монархіи пропалъ совершенно неоцѣненнымъ. Но Государь и не думалъ о благодарности: онъ думалъ о дорогахъ, школахъ, больницахъ и всего болѣе о церквахъ для переселенцевъ. Нельзя же было закапывать мертвыхъ въ тайгѣ или въ степи безъ погребенія, надо было вѣнчать и крестить живыхъ! По личной инціативѣ Государя (т. к. церквей не хватало), были введены разъѣздные причты въ Сибири, Но его занимало и дѣловое, хозяйственное "освоеніе" Сибири плугами и молотилками. Тогда не говорилось — "догнать и перегнать", но все шло впередъ "семимильными сапогами". И темпы сибирскаго роста были быстрѣе американскихъ. (Къ этому выводу пришелъ, подсчитавъ цифры, англійскій "Таймсъ"). Хорошо помню какъ Государь, прочтя сибирскую записку Столыпина, — а Столыпинъ сказалъ тогда Государю, что я былъ его "перомъ" въ этой поѣздкѣ, на очередномъ пріемѣ улыбаясь, милостиво мнѣ сказалъ: "Узналъ въ запискѣ мою Сибирь, и былъ такъ радъ ея росту!".

Съ большимъ удовлетвореніемъ слѣдилъ Государь и за крестьянскимъ землеустройствомъ въ Европейской Россіи. Это дѣло, помимо своего прямого значенія, было еще окружено въ Россіи симпатіями и сочувствіемъ. Оно смягчало ненужную рознь между обществомъ и правительствомъ, старое дѣленіе на "мы и они". На этомъ выросло въ глазахъ Государя, послѣ смерти Столыпина, значеніе министра земледѣлія А. В. Кривошеина.

Кривошеинъ, многолѣтній кандидатъ въ премьеры, представитель такъ называемаго примирительнаго варіанта русской власти — "ладить" съ обществомъ, такъ въ концѣ концовъ и не былъ на-

значенъ (отчасти по собственной нерѣшительности). Но послѣ ухода графа Вл. Н. Коковцова, когда Кривошеинъ временно спрятался, такъ сказать, за престарѣлаго И. Л. Горемыкина, и самъ былъ тогда боленъ (первые приступы грудной жабы), какимъ исключительнымъ вниманіемъ Государя, а тогда еще и Императрицы, былъ онъ окруженъ! Я представлялся въ тѣ дни Государю; и на общемъ пріемѣ стоялъ, помню, съ края, рядомъ съ княземъ Г. Н. Трубецкимъ (два младшіе камергера). Государь. заканчивая обходъ и подойдя къ намъ сказалъ мнѣ полушутливо: "Берегите вашего Александра Васильевича, онъ мнѣ очень нуженъ! Не занимайте его дѣлами! Вы тамъ всѣ безъ него сами побольше рѣшайте, а онъ пускай поправляется. Онъ мнѣ нуженъ!". Въ этой интонаціи было сквозь любезную шутку и что-то настойчивое, серьезное. Во всякомъ случаѣ Трубецкой, вернувшись въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ передалъ эти слова Сазонову. А какъ сіялъ Кривошеинъ, а въ какомъ восторгѣ отъ простого, чуть не дружескаго тона Государя былъ я — вамъ ясно.

Вотъ **этой** стороной царскаго ремесла, — умѣньемъ очаровывать, будить въ людскихъ сердцахъ тайныя струны, Государь владѣлъ въ совершенствѣ. Онъ проявлялъ при этомъ рѣдкую душевную тонкость. Помню, когда военныя тучи сдвинулись уже прямою угрозою пораженія, и Государь рѣшилъ самъ встать во главѣ войскъ, **поздней ночью** Кривошеинъ розыскалъ меня въ Англійскомъ клубѣ и повезъ къ себѣ: писать по порученію Государя рескриптъ великому князю Николаю Николаевичу, назначенному Намѣстникомъ на Кавказѣ. "Государь хочетъ — передалъ Кривошеинъ, чтобы въ рескриптѣ было какъ можно больше лестнаго для великаго князя, а еще больше лестнаго и пріятнаго **для войскъ Кавказскаго Округа**, доблестныхъ воиновъ,

во главѣ которыхъ великій князь теперь ставится". — Какая красивая мысль! И какъ это указаніе похоже было на Государя!

Но Государь, кромѣ обаятельной тонкости, обладалъ и многими другими, незамѣнимыми для царскаго ремесла свойствами. Рѣдкимъ чувствомъ долга, дисциплины, точностью въ трудѣ, умственной и душевной трезвой ясностью. Не любилъ онъ только бить на широкій внѣшній эффектъ; у него было, почти преувеличенное, душевное изящество скромности. Этимъ онъ отличался (замѣтно!) отъ многихъ своихъ министровъ.

Помню, когда Витте былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, и втянулъ всю канцелярію и въ частности меня (совсѣмъ не по рангу), въ свою безпокойную, кипучую работу, я много видѣлъ его докладовъ Государю и отвѣтныхъ царскихъ резолюцій, часто расходившихся съ Виттевскими настроеніями, его непонятными иллюзіями и стихійнымъ размахомъ. Сталкивались тутъ не только разные взгляды, но и разные люди. Одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ выразилъ такъ это различіе: "Государь — изысканный миніатюристъ, а Витте — грубый декораторъ, для большой публики".

Зато, — когда рухнули уже всѣ декораціи! — на какую недосягаемую нравственную и духовную высоту поднялся этотъ неоцѣненный на престолѣ, тихій нашъ Государь, въ униженіи, ссылкѣ и заточеніи!

Государю трудно было сказать въ глаза подчиненному, что либо непріятное. Но мужество, подлинное нравственное мужество передъ опасностью у него было. Онъ шелъ навстрѣчу своему жребію. И на роковую войну, пошелъ **"съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ"**.

Это выраженіе значилось въ одномъ изъ старинныхъ русскихъ памятниковъ, кажется въ древнемъ ратномъ воззваніи иноковъ Троице-Сергіевской Лавры. Я отыскалъ его и мы съ Кривошеинымъ включили его въ проектъ одного изъ царскихъ манифестовъ о войнѣ (Австрійскій). Государь замѣтилъ эти слова и оцѣнилъ ихъ; они выражали **его** душевное настроеніе.

Говорили будто у Государя не было внутренняго державнаго инстинкта правителя. Нѣтъ, инстинктъ былъ и вѣрный! Когда Государь охотно шелъ на подсказывавшуюся ему дорогу, результатъ бывалъ всегда для Россіи благомъ. Случалось и такъ, что Государь бывалъ впослѣдствіи доволенъ своими совѣтниками даже если они увлекали его не безъ его колебаній, на нужную для Россіи дорогу. Но зато, когда Государь уступалъ уже явно **противъ своей воли,** съ чрезвычайною неохотой, когда его влекли за собой насильно, — путь всегда оказывался ложнымъ и велъ къ пропасти **(даже если къ ней толкали самые близкіе, самые вѣрные ему люди).** Такъ было (два яркихъ примѣра!) передъ великой войной: недальновидные министры такъ мало ея боялись и такъ сѣтовали на "нерѣшительность" Государя. Такъ было и тогда, когда обманутые Думой генералы убѣждали Его отречься.

Но почему же все-таки Государь всегда **уступалъ?** Было темное предчувствіе обреченности; нотка грустнаго безразличія, усталаго смиренія ("а можетъ быть они правы, а я ошибаюсь?"); но всего больше религіозное "Да будетъ воля Твоя!.." Жизнь влекла и вела, уступами, къ сіяющему мученичеству, къ искупительной жертвѣ, озаряющей теперь намъ будущее Россіи и русской монархіи.

Тайная трагическая нота никогда не оставляла покойнаго Государя. Ее чувствовали многіе, даже иностранцы, но чувствовали поверхностно.

Когда Государь, въ 1896 году былъ съ Царицей во Франціи, его чествовали стихами лучшіе тогда поэты Франціи: Эредіа, Коппэ, Сюлли-Прюдомъ. И у самаго чуткаго изъ нихъ — Сюлли-Прюдома — въ стихахъ прозвучала неожиданная грустная нота. Стихи были построены такъ: тѣнь Короля-Солнца будитъ въ Версальскомъ паркѣ спящую нимфу-дріаду и поручаетъ ей привѣтствовать Русскаго гостя. (Стихи были прочитаны передъ Государемъ Сарой Бернаръ). И въ уста Короля-Солнца вложены были такія слова:

"Съ Царемъ — Жена... И граціи толпой
Предъ ихъ меньшою, царственной сестрой
Склоняются любовно въ Тріанонѣ...
Романовъ — гость, въ моемъ быломъ дворцѣ!
Прими его, — и Русь въ его лицѣ —
Съ почетомъ въ ласковомъ поклонѣ.

Порой бываетъ горекъ и угрюмъ
Въ моей могилѣ холодъ царскихъ думъ.
Но Русскій Царь душой да будетъ свѣтелъ!
Нашъ юный гость, онъ принялъ въ душу, въ кровь
Довѣрчивую къ Франціи любовь:
Ему Отецъ державно путь намѣтилъ"...

Но точно ли "горекъ и угрюмъ — теперь, въ могилѣ, — холодъ царскихъ Думъ?" У Государя вырывались, въ дни отреченія слова горечи: "кругомъ измѣна, обманъ и трусость". Но все это перегорѣло въ сіяющей красотѣ подвига — смерти.

Какой урокъ для насъ судьба Государя! Не только нравственный, но и политическій. Какъ мало понималось въ Россіи раньше значеніе Монархіи какъ единственнаго **источника** права. Имя Государя было для Россіи **Архимедовымъ рычагомъ** правовой власти. И не онъ опирался на государственныя учрежденія, а они — имъ держались.

Помню, какъ ощущалось это въ строгой и безпокойной школѣ Совѣта Министровъ. Послѣ столкновеній и бурь въ Совѣтѣ Министровъ, когда наши тщательно составленные доклады обычно превращались въ Высочайшія повелѣнія, тогда они сразу же начинали жить, становились частицею русской жизни и русской были. Но, отвергнутые Государемъ, тѣ же, точно такіе же, ничѣмъ не хуже, министерскіе доклады оставались лежать въ ящикахъ столовъ мертвою буквой. **Государь** ставилъ на всемъ сіяющую животворящую точку. **Онъ** благословлялъ или не благословлялъ своимъ именемъ все въ Россіи къ жизни и дѣйствію (чудесное старинное выраженіе **"быть по сему!")**. По русской народной психологіи, только царская власть, кто бы ей ни помогалъ, Дума или чиновники, была **источникомъ права.**

Поэтому, впослѣдствіи, когда Государь былъ свергнутъ, вынужденно отрекся, — мгновенно былъ какъ бы выключенъ **электрическій токъ** и Россія погрузилась во тьму кромѣшную.

Оставалось — принужденіе, сила переходившая изъ рукъ въ руки; оставался властный или безвластный приказъ, но не стало власти какъ источника права. Ни временное правительство, ни учредительное собраніе, закрытое простымъ матросомъ, ни наконецъ совдепъ одолѣвшій всѣхъ своимъ грубымъ зажимомъ, не обладали болѣе **исторической "благодатью** творить русское **право"**.

Одураченные вихремъ событій, генералъ Алексѣевъ и главнокомандующіе фронтами, вынуждая Государя отречься, не сознавали, что дѣлаютъ. Фронтъ въ первые дни былъ еще гораздо крѣпче тыла и неизвѣстный революціонный солдатъ въ тылу самъ трепеталъ еще отъ животнаго страха. Но, вѣря, въ реальное значеніе думскихъ плановъ, гене-

ралы были убѣждены, что всѣ перемѣны, въ которыхъ они участвуютъ, сведутся лишь къ воцаренію Сына или Брата Государя, а что Монархія въ Россіи останется. Революціонный Петербургъ скоро поставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ совсѣмъ иною реальностью. Но лишь послѣ того, какъ электрическій токъ, дававшій России ея правовую жизнь, былъ при ихъ содѣйствіи, выключенъ.

И вотъ тогда, въ дни, когда Императорская Россія рушилась, когда на улицахъ съ офицеровъ срывали погоны, я (какъ и многіе изъ васъ, вѣроятно), со слезами на глазахъ и въ душѣ, внутренно я далъ себѣ клятву сдѣлать все, что будетъ въ моихъ бѣдныхъ силахъ когда бы то ни было, чтобы помочь возстановленію въ Россіи Монархіи.

Не знаю, кому изъ насъ и что еще доведется сдѣлать для этого. Но знаю, что все это будетъ **ничтожно** сравнительно съ тѣмъ, что **уже сдѣлалъ** для Россіи, своей жизнью и (еще болѣе!) своей, потрясшей всѣ русскія сердца, мученической, искупительной за грѣхи Россіи гибелью, Государь Императоръ Николай Второй, погибшій со всею его семьей, такой дружной, такой русской и такой благородной.

Останемся же, пока мы живы, вѣрными ревнителями Его памяти.

Ив. Тхоржевскій.

Imprimerie de Navarre — 5, rue des Gobelins. Paris (13).

Цѣна 2 франка.